

тверждает достоверность даты, указанной в первом чуде: рассказы Петра Буторина были записаны в 60-е годы XVII в., а приурочивались они к событиям 20—30-летней давности. Ко времени записи рассказов Петра Буторина уже существовал первоначальный вид Жития. Мы можем думать, что оно бытовало и в то время, к которому Буторин приурочивает чудо, совершившееся с ним в юношеские годы, и чудо с воеводой Колы. Это позволяет датировать время написания Жития Варлаама Керетского периодом между концом XVI—первой четвертью XVII в.

Как предполагает В. О. Ключевский, автором Жития «был монах, живший в Керети в качестве сельского священника и приказчика Соловецкого монастыря».¹⁸ По мнению И. Яхонтова, характер Жития свидетельствует о том, что автором его скорее должен был быть мирянин. Текстологический анализ дошедших списков Жития убедил нас в существовании двух редакций произведения. Поэтому мы должны говорить о двух авторах — авторе первоначального вида Жития и авторе Жития с чудесами.

Первоначальное Житие написано в книжно-риторических традициях. В нем много общих фраз («Научен же бысть книгам, и божим судом поставлен бысть презвитером», «люди закону божию, яко истинный пастырь поучаше, и бысть ходатай богу и человеком», и т. п.), книжных оборотов и сравнений («подвизаяся на невидимаго врага козни», «немощную силу, яко паучину раздираему», «простре сеть во уловление праведнаго, яко же древле на Адама», «псалмы Давидовы пояше, то бо ему пища баше», и т. д.), совершенно отсутствует прямая речь.

Иной характер Жития с чудесами. Рассказы о чудесах полны действия, в них много прямой речи, диалогов. События не описываются, а показаны в развитии, в действии. Язык этой части Жития близок живой, разговорной речи, в нем много терминов местного характера, местных оборотов.

Петр Буторин «упражняется» «в рыбных ловитвах в Соностровах». Варлаам явился перед ним, когда он с отцом плыл в карбасе «против Шарапова Наволока». Все это и так мог написать только человек, хорошо знающий Кереть, ее окрестности, отлично, воочию представляющий себе побережье Белого моря в этом месте. Соностров — небольшой остров в 30—40 километрах на юго-восток от Керети по побережью Кандалакшского залива, куда керетчане до сих пор ходят на тони ловить рыбу. Шарапов Наволок — Шарапов мыс, мимо которого проходит водный путь из Керети в Соностров. Наволок — характерное поморское наименование; наволоком здесь называется коса, мыс. Когда вторая волна чуть не потопила ладью, в которой находился Петр Буторин, и в ладье появился никому не ведомый старец, то, как рассказывает Буторин, «абие внезапно обретеса судно наше во отишии за коргою». О стихнувшем ветре в Поморье говорят, что он «отих», «отишел». «Коргами» называются в Беломорье небольшие скалистые островки, гряды камней в море. Во время неожиданного изменения погоды, когда уже не успеть дойти до берега, мелкие суда, лодки прячутся за корги и отстаиваются там с подветренной стороны. В рассказе о Евфимии каргопольце читаем: «И егда пробежавшим Соловецкой остров...». Выражения «бсжать на веслах», «бежать парусом» типичны для языка поморов. В чуде о двинянце Никифоре буря сломала у мореходцев «древо парусное» — мачта в поморской терминологии называется «деревом». Явившийся к потерпевшим крушение Вар-

¹⁸ Ключевский, стр. 342. — Уже в XVI в. Соловецкий монастырь имел в Керети свои угодья, в 1607 г. Соловецкому монастырю по царскому указу была отписана четверть Керетской волости, а в 1635 г. — остальные три четверти.